

"Как будто вообще исчез". С политзеком Трофимовым три месяца нет связи

Север.Реалии

7 минут(ы) назад

 Приоритетный источник в Google

Андрей Трофимов

С политзаключенным Андреем Трофимовым с середины апреля нет связи. 59-летний активист отбывает 13 лет в колонии строгого режима – ИК-9 в Петрозаводске. Он не отвечает на письма, его не вывели к адвокатам, а родственника не пустили на свидание. Друзья Трофимова не верят утверждениям администрации колонии, что он сам отказался от общения. Они беспокоятся и за его здоровье: у заключенного диабет и высокое давление, а близкие не знают, получает ли он лекарства.

В марте 2026 года Андрей Трофимов прибыл в петрозаводскую ИК-9. Информации о новом этапировании не было, эта колония до сих пор указана как место его содержания в карточке правозащитного проекта "[Поддержка политзаключенных. Мемориал](#)". Первые недели после перевода Трофимов продолжал переписку. Последние письма от него приходили в середине апреля.

– Установление местонахождения Андрея Трофимова и выяснение, в каком он состоянии, сейчас один из важнейших вопросов для всех людей доброй воли, – говорит основательница правозащитной организации "Русь сидящая" **Ольга Романова**. – Трофимов – один из самых кристально чистых политических активистов. Нам надо этим заниматься. Он не должен исчезнуть.

Художница **Мария Бовенко** живет во Франции, старается поддерживать российских политзаключенных и переписывается с Трофимовым с 2022 года. По ее словам, после этапа в Карелию он писал о первых днях в колонии, ее правилах и дисциплинарных взысканиях – помещении в штрафной изолятор (ШИЗО), а затем в помещение камерного типа (ПКТ).

Андрей Трофимов

– Он попал в эту колонию, начал осваиваться, писать в своем духе – про быт, про солнечный свет на стене камеры. В Твери он сидел на северной стороне и вообще не видел солнца, а тут был совершенно поражен тем, какое оно прекрасное. Он начал разбираться с правилами и порядками колонии: там списывают 75 процентов денежных переводов. Давал какие-то инструкции, просил ничего не присылать ему из книг, чтобы не закрывать лимиты. Потом написал, что его сажают на полгода в ПКТ: до этого он немного побыл в ШИЗО, потом снова ШИЗО – и полгода в ПКТ, – рассказывает Бовенко. – Но из ПКТ он уже писал письма, поэтому мы не сразу заметили,

что возникла большая проблема. В одном письме он говорил, что письма ему приносят только на час и у него совсем нет времени, но он будет в одном письме всем передавать привет и сообщать, что у него все нормально. А потом все совсем прекратилось.

По словам Бовенко, близкие сначала объясняли молчание очередным помещением в штрафной изолятор. Но шли недели, а ответов не было. Один из родственников записался на свидание через "Госуслуги" и приехал в колонию, однако его не пустили внутрь. Не состоялись и встречи с защитниками.

– Мы отправляли двух адвокатов, и обоим было отказано. У Андрея Николаевича нет адвоката. Однако колония утверждает, что у Трофимова есть защитник, с которыми подписали соглашение родственники, что с другими адвокатами он видется не хочет и сам не выходит на свидание. Это неправда. У него точно нет адвоката. Это сто процентов.

Бовенко говорит, что жалобы и заявления направлены в колонию и другие инстанции. Группа поддержки пытается снова отправить к Трофимову независимого адвоката. Пока ее участникам не удалось получить подтверждение, что заключенный находится в ИК-9, и узнать о его состоянии. 14 июля об исчезновении связи [сообщил "Мемориал"](#).

Север.Реалии выяснили, что денежные переводы на имя Андрея Трофимова в колонию доходят и на счет зачисляются. Это может быть почти стопроцентным свидетельством, что заключенный по-прежнему находится в ИК-9.

|"Я – это не только мое тело"

Андрей Трофимов родился 16 сентября 1966 года. По словам его единокровной сестры Дарьи Трофимовой, их общий отец Николай был геологом. Андрей родился в Казахстане, куда родители уехали работать после учебы в Москве. Дарья младше брата на десять лет. Долгое время они почти не общались: отец ушел из первой семьи, когда Андрею было семь или восемь лет, а позже работал в Сибири и Монголии. Отношения между отцом и сыном восстановились, когда Андрей был уже взрослым. Дарья познакомилась с братом, когда ей было двадцать лет, а ему – тридцать.

Андрей Трофимов с сестрой Дарьей

Она вспоминает как отец учил детей наблюдать за природой, разбираться, как устроены вещи, и проверять услышанное. Сестра считает, что Андрей унаследовал от него эту привычку.

– Папа всегда учил меня анализировать новости. Мы смотрели телевизор, и он не говорил прямо: "Видишь, они лгут". Он говорил: "Смотри, что сказали в первом предложении. А что – через четыре предложения? Может ли это происходить одновременно на одной планете, в одной стране, в одном обществе?" Наверное, нет. Значит, все врут. Думаю, Андрей тоже умеет выстраивать такие логические связи.

Трофимов окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана с красным дипломом и стал инженером. Он работал в НПО имени Лавочкина, которое занималось космической и ракетной техникой. В 1991 году Трофимов ушел с предприятия и стал машинистом московского метро. В [письме Русской службе](#)

Би-би-си он объяснял, что еще в конце 1980-х разочаровался в работе НПО: вместо космоса, о котором мечтал со школы, увидел имитацию работы.

– Андрей говорил: "Это какой-то тупик, никто ничего по-настоящему не делает". Как будто обиделся на всю жизнь – и ушел работать в метро. Он водил поезда, был машинистом лет десять. Когда я училась в университете, он работал на нашей, зеленой, линии. Стоя у первого вагона, я всегда надеялась его увидеть. Это была такая тайная связь. Пару раз, наверное, видела, – рассказывает **Дарья**. – Мне кажется, он рассуждал так: "В этом нонсенсе я участвовать не хочу. Лучше буду делать что-то по-настоящему полезное – хотя бы возить людей на работу, а не сидеть здесь и делать вид, что мы что-то строим, хотя оно никогда не полетит". Проводить время для галочки – это совсем не про него.

У Трофимова двое взрослых сыновей. После работы в метро он занимался воспитанием детей, позднее работал грузчиком и курьером. Последние годы до ареста жил на даче в Конакове Тверской области, занимался садом, построил баню и гостевой дом.

Трофимов участвовал в демократическом движении давно. В августе 1991 года он защищал Белый дом во время путча, с 2010 года регулярно ходил на протестные акции, в том числе на марши памяти Бориса Немцова. По данным "Мемориала", в 2019 году его задерживали и били сотрудники Росгвардии на протестах в Москве.

После начала полномасштабного российского вторжения в Украину Трофимов стал почти непрерывно читать новости и публиковать во "ВКонтакте" сведения о войне и ее жертвах. Среди постов, которые затем вошли в уголовное дело, были фотографии разрушенных украинских городов и данные о потерях российской армии. В других публикациях Трофимов прямо призывал убивать российских военных и силовиков и писал, что хочет воевать на стороне Украины.

7 мая 2022 года силовики пришли на его дачу в Конакове. Трофимова задержали и отправили в СИЗО. Сначала ему вменили публичные призывы к экстремизму, затем – распространение так называемых "фейков" о российской армии.

Трофимов не отрицал авторство публикаций. При этом он настаивал, что сведения о войне соответствуют действительности, называл Украину жертвой агрессии и говорил, что она имеет право на самооборону. Законность суда он не признавал. "А для себя я требую максимального срока лишения свободы. Потому что я вас презираю", – сказал Трофимов.

17 октября 2023 года Конаковский городской суд приговорил Трофимова к десяти годам колонии строгого режима. Ему также назначили полтора года ограничения

Письмо из СИЗО

слово Андрей Трофимов.

Эта речь стала основанием для нового дела – об оправдании терроризма и повторной "дискредитации" армии. 6 мая 2025 года Второй Западный окружной военный суд **увеличил общий срок до 13 лет**. "Мемориал" признал Трофимова политзаключенным и включил его в список людей, преследуемых за антивоенную позицию.

До этапа в Карелию Трофимов находился в тверском СИЗО-1, затем его перевели в петербургские "Кресты". По словам сестры, в первых письмах из ИК-9 он рассказывал, что чистит снег во дворе, смотрит на карельские облака и птиц. Дарья даже предполагает, что Андрей мог сам попроситься в Карелию – если заключенный вообще может выбирать, где отбывать наказание.

– У нашего отца был дом на Онежском озере в Карелии, в заброшенной деревне, – рассказывает она. – Папа был геологом, работал в тех местах, ему понравилась эта деревня, и он купил там дом. Андрей туда приезжал, они с папой перекрывали крышу. Они очень похожи, оба хозяйственные, общались со всеми людьми, которые оставались вокруг этой деревни. Мне кажется, у Андрея были очень приятные воспоминания о Карелии.

Но вскоре после перевода Трофимова в ИК-9 связь оборвалась.

свободы после освобождения и на четыре года запретили администрировать сайты. Процесс сначала был открытым, но после плакатов "Нет войне", "Свободу Навальному", которые показывал Трофимов из "аквариума", и его выкрика "Слава Украине" судья закрыла заседания.

"А в чем цель того, что я делаю? Ну, глобально говоря, это самосохранение. Просто я понимаю инстинкт самосохранения не как сохранение чисто тела, его физического здоровья. Потому что я – это не только мое тело. Я хочу сохранить в этой непростой ситуации совесть, способность отличать черное от белого, а ложь от правды и, что очень важно, способность произносить вслух, что я считаю правдой", – **говорил** в своем последнем

| "Ему общаться надо"

Мария Бовенко начала писать Трофимову. Она собиралась "не писать о политике, о войне, о тюрьме", как советуют правозащитники, и рассказывала про байдарки, на которых плавала в тех же местах, где у ее респондента была дача. Но в первом же ответе Трофимов "нарушил все эти правила" – и спросил, известно ли что-нибудь о его голодовке. Бовенко стала искать информацию и поняла, что о протесте заключенного почти никто не знает.

– Я все взвесила и поняла, что надо говорить, если он сам хочет, чтобы о нем говорили. Во втором письме он написал, что ему помогают разные родственники, сестра живет в Канаде. Он как-нибудь справится, хотя это человек, который никогда не просит о помощи. Понятно, что помощь ему нужна, но он всегда говорит, что рядом есть люди, которым она нужнее, – говорит Бовенко.

Людьми, которым, по словам Трофимова, помощь была нужнее, оказались политзаключенные Людмила Разумова и Александр Мартынов. Он рассказывал о них и других заключенных, с которыми пересекался в СИЗО, просил найти для них адвокатов и поддержку. Так у Бовенко постепенно появилась переписка с несколькими заключенными из Твери.

– Андрей Николаевич, безусловно, уникальный человек, – считает Мария. – Во-первых, абсолютный оптимист и идеалист. Мне ужасно нравится его присутствие духа и чувство юмора. У него прекрасный слог. В СИЗО он начал очень хорошо писать, когда понял, что это интересно и что он наконец может говорить. Как будто ему нужна была тема. Конечно, я не хочу сказать, что ему надо было попасть в тюрьму. Он сам считает, что это был его выбор.

По словам Бовенко, Трофимов вел обширную переписку, помнил подробности жизни корреспондентов и старался поддерживать других заключенных. Поэтому друзья не верят, что после перевода в ИК-9 он внезапно сам решил прекратить все контакты.

Сестра Трофимова тоже считает, что добровольно отказаться от писем он не мог. Версию про депрессию она отменяет: "Нет, это железный человек". Дарья считает, что администрация колонии сознательно его изолирует. Подтвердить или опровергнуть это предположение сейчас невозможно: независимый адвокат с Трофимовым не встретился.

– Андрей выступал против того, что происходит в России, очень давно – по поводу Крыма точно, с 2014 года. Еще в 2011 году он ходил на митинги. Он никогда не скрывал своего мнения. Что бы ему ни грозило, он умный человек и понимает

последствия, но это его не останавливало, – говорит сестра политзека. – Поэтому я думаю, что, когда его привезли в колонию, он начал говорить все, что думает, может быть, гимн Украины петь каждое утро – что-нибудь такое. А для администрации это проблема: надо его изолировать, устранить, чтобы сидел тихо и не отвечивал. Его посадили за то, что он критиковал все на свете: правительство, то, как живет страна. Но он обычный человек. Он ничего ужасного не сделал: никого не убил, не съел, не украл у государства миллиарды. И теперь он как будто вообще исчез. Понятно, зачем они это делают: слово тоже может быть инструментом борьбы. Но это просто не по-человечески.

По словам сестры, Андрей всегда был очень общительным и любознательным. В СИЗО он просил присылать ему новости о китайских и индийских луноходах, выписывал журналы, расспрашивал о людях и науке.

Сама Дарья уже больше 20 лет живет в Канаде. Она ученый-биохимик, работает в Queen's University в Кингстоне. Но все эти годы поддерживает связь с братом, племянники приезжали к ней в гости в Канаду.

Одна из фотографий, которую Дарья хранит, сделана за шесть лет до ареста Андрея: брат и сестра вместе гребут на каноэ. Тогда они провели три дня на его даче – по словам Дарьи, впервые за много лет были по-настоящему близки.

На байдарках с сестрой

Трофимов также писал о диабете, высоком давлении и других проблемах со здоровьем. В СИЗО ему давали таблетки, близкие отправляли лекарства. Сейчас

семья не знает, доходят ли препараты и получает ли он медицинскую помощь.

– Общение – одна из немногих оставшихся у него возможностей, которая может поддерживать его на плаву, – говорит Дарья. – Он человек активный, любит человеческие связи, любит, когда ему отвечают. Он этим жил, я бы сказала. Когда связь прервалась, это примерно как сказать: "Мы будем давать вам пить, а кормить не будем". Андрей умный, образованный, нормальный человек. Для него важно общение, а его этого общения лишают. Мы же люди.

Сейчас группа поддержки добивается встречи Трофимова с независимым адвокатом и подтверждения, что он жив, находится в ИК-9 и получает необходимые лекарства. Ответа на эти вопросы нет уже больше трех месяцев.

"Трофимов не должен исчезнуть"

Ольга Романова считает, что добиваться информации о местонахождении и состоянии Трофимова нужно сразу несколькими способами. Первый – юридическое давление внутри России. Для этого нужен адвокат по соглашению, которое может подписать близкий родственник. В случае Трофимова – его сын.

– Адвокат должен подать письменное требование о допуске. Если ему принесли письменный отказ, его надо забрать или сфотографировать. На основании этого отказа нужно требовать хотя бы визуально убедиться, что Трофимов жив и к нему не применяют физическое насилие. Хорошо, если он не хочет выходить и разговаривать – ладно. Но адвокату должны предъявить доказательства того, что он существует, – говорит Романова.

Ольга Романова

После письменного отказа, объясняет Романова, нужно обращаться сразу в несколько ведомств. Запросы могут направить опять же адвокат или близкий родственник:

– Нужно направить запросы начальнику колонии, региональному управлению ФСИН и в прокуратуру по надзору за местами лишения свободы. Необходимо официальное подтверждение того, где находится человек и в

каком он состоянии. Это может сделать прокуратура, начальник колонии, региональное управление или центральный аппарат ФСИН – кто угодно. Пусть сфотографируют его со свежей газетой, хотя бы – это тоже способ!

Еще одним способом давления Романова называет публичность – обращения в медиа и правозащитные организации. В частности, в Рабочую группу ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям.

– Это один из немногих действительно работающих механизмов, – говорит правозащитница. – Мы знаем: когда о человеке начинают писать медиа и за него вступаются правозащитные организации, это действует. Совсем недавно мы добились, чтобы человека вывели к адвокату. Каким способом? Криками, давлением из-за границы и другими способами. Но добились же. Трофимов не должен исчезнуть. Полное отсутствие информации – как раз один из признаков насильственного исчезновения. Обратиться в Рабочую группу можем и мы, но нам нужно согласие родственников. Механизм долгий: по нашему опыту, результата можно ждать около года. Но можно хотя бы предупредить о таком обращении – пусть адвокат сообщит, что мы готовим заявление в Рабочую группу ООН. Можно обратиться к спецдокладчику ООН по ситуации с правами человека в России Марьяне Кацаровой. Для этого опять же нужно согласие родственников. Есть и спецдокладчик ООН по вопросу пыток – туда тоже можно обратиться. Если человека уже знают международные организации или парламентарии, они могут направить запрос российским властям. Но лучше всего, если это сделает посольство какой-нибудь страны.

В случае Трофимова есть еще один неочевидный метод поиска – обратиться к послу Норвегии, поскольку об исчезновении связи с политзаключенным написал [The Barents Observer](#).

– Норвежская пресса рассказала о нем, и норвежская общественность может попросить посла сообщить о состоянии человека, о котором писали норвежские журналисты. Это был бы лучший вариант. Механизмов не так уж мало. Надо просто начать ими пользоваться, – говорит Ольга Романова.

Этот контент также в категориях

Регионы

Общество.Север